
Е.А. Мельникова

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ*

Одна из кардинальных проблем отечественной истории — образование Древнерусского государства издавна отягощена политическими, идеологическими, эмоциональными соображениями, и ее обсуждение в рамках так называемого «норманнского вопроса» сводило ее, особенно в трудах «антинорманистов», к вопросу об этническом происхождении «создателей» или «основателей» Древней Руси (отчего первостепенное значение приобретали этимологии названий *русь* и *варяг*, имен первых русских князей и т. п.)¹. Преодоление этой историографической традиции означало обращение к совершенно иным вопросам: во-первых, углубленному исследованию самого восточнославянского общества накануне и в процессе возникновения государства, особенностей нового политического образования в начальный период и его последующей эволюции, т. е. изучения Древнерусского государств *per se*; во-вторых — изучения восточнославянского общества и Древнерусского государства в контексте тех процессов, которые происходили в окружающем его средневековом мире.

Первое направление целенаправленно и разносторонне развивалось начиная со второй половины XIX в. и особенно интенсивно — во второй половине XX в. силами как историков, так и археологов. Второе же распалось в послевоенной историографии на несколько

---

* Статья написана в рамках работы над проектом «Возникновение и становление Древнерусского и других средневековых государств: компаративное исследование» (№ 12-01-08018) целевой программы РГНФ «1150 лет зарождения российской государственности».

¹ Методологическая непродуктивность обсуждения подобных вопросов для выяснения происхождения Древнерусского государства делает бессмысленным и употребление терминов «норманизм» и «антинорманизм». См. подробнее: Мельникова Е.А. Тени забытых предков // Родина. 1997. № 10. С. 17–20.

более или менее самостоятельных направлений², но ключевой вопрос — об историческом контексте возникновения восточнославянской государственности — остался в стороне. Попытки сравнительно-типологического изучения отдельных древнерусских институтов и явлений с их европейскими аналогами — правовых норм южных славян и прибалтийских народов («Полица» Б.Д. Грекова, «Корчула», «Помезания», правовые памятники ливов В.Т. Пашуто), политических институтов (М.Б. Свердлов, П.В. Лукин, П.С. Стефанович), порядка престолонаследия (А.В. Назаренко), отражения представлений о власти в социогенетических легендах (А.С. Щавелев), формирования системы раннего историописания (Т.В. Гимон, А.А. Гиппиус) показали, что как социально-политическое, так и культурное развитие домонгольской Руси при всех ее самобытных особенностях шло в целом теми же путями, что и развитие других европейских раннесредневековых государств. Это — чрезвычайно важный вывод, особенно после десятилетий утверждения, что Русь, а затем Россия развивались особым, несопоставимым с другими странами образом, как в отечественной (для обоснования политики изоляционизма), так и в зарубежной (с целью показать «незакономерность» возникновения СССР) исторической науке и политологии.

Одним из немногих обращений к историческому контексту возникновения Древнерусского государства³ были работы о становлении предгосударственного образования на северо-западе Восточной Европы (в Волховско-Ильменском регионе) как проявлении процессов, охвативших в VIII–X вв. весь Балтийский регион⁴. Предложенное тогда Г.С. Лебедевым понятие «циркумбалтийский регион» охватывало как южную, северную и восточную Балтику, так и Северо-Западную Русь⁵. Соглашаясь в целом с включением Северо-Западной Руси в систему экономических и политических связей Балтийского региона, я также кратко отметила и более глобальные, общеевропейские про-

---

²Наиболее продуктивно исследовались и исследуются международные связи Древнерусского государства и его место в системе средневековых государств (В.Т. Пашуто, А.П. Новосельцев, А.В. Назаренко, Е.А. Мельникова и др.).

³Ср. такую попытку в совместном докладе З.В. Удальцовой, Я.Н. Шапова, Е.В. Гутновой и А.П. Новосельцева на XV МКИИ в Бухаресте: *Удальцова З.В., Шапов Я.Н., Гутнова Е.В., Новосельцев А.П.* Древняя Русь — зона встречи цивилизаций // ВИ. 1980. № 7.

⁴*Wikinger und Slawen / Hrsg. von J. Herrmann.* В., 1982; перевод на русский язык с добавлением главы А.Н. Кирпичникова, И.В. Дубова, Г.С. Лебедева «Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени)» в кн.: *Славяне и скандинавы / Пер. на русск. язык Г.С. Лебедева под ред. Е.А. Мельниковой.* М., 1985.

⁵*Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985; перепечатка с дополнениями: *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

цессы, которые привели к интенсификации социально-политического развития народов Балтийского региона и Северо-Западной Руси, обращающая особое внимание на роль в этих процессах протяженных систем коммуникаций⁶.

Таким образом, если внутреннее развитие восточнославянского общества во второй половине I тыс. можно ныне полагать более или менее изученным⁷, то не только не исследованным, но и фактически не сформулированным остается и поныне один из центральных для объяснения ранней истории Руси вопрос: в каком историческом контексте возникло и формировалось Древнерусское государство, какие экономические, политические, культурные явления и процессы общеевропейского или евразийского масштаба вызвали к жизни бурное — на протяжении всего четырех столетий⁸ — перерастание восточнославянских племенных структур в государственные или оказали воздействие на их трансформацию. Настоящая статья ставит своей целью, разумеется, не разрешение вопроса о геополитических предпосылках возникновения Древнерусского государства, но скорее попытку наметить возможные пути его решения.

* * *

Еще в 1920-е гг. Анри Пиренн предположил, что средиземноморская цивилизация погибла под ударами не германских варваров, а позже, в результате арабских завоеваний VII в., отделив остатки Западной Империи от Восточной, что вызвало изоляцию меровингский Франкии от Средиземноморья, пресечение цветущей до того времени средиземноморской торговли и привело к упадку городов в Ев-

---

⁶ Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–32; *Она же*. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе: сравнительно-типологический аспект // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 89–100; *Она же*. Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н. э. // ДГ. 2009 г. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 43–57.

⁷ О насущных задачах изучения истории собственно Древнерусского государства см.: Мельникова Е.А. Образование Древнерусского государства: состояние проблемы // ВЕДС. XXIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 188–197.

⁸ Достаточно напомнить, что у развивавшихся также без тесных контактов с античной цивилизацией скандинавских племен резкое социальное расслоение существовало еще в эпоху бронзы (1500–500 гг. до н. э.), но первые раннегосударственные образования относятся ко времени не ранее VIII в. (в Дании), а средневековые государства возникают во второй половине X — первой половине XI в.

ропе. Последующее возвышение Каролингов происходило на основе совершенно иных экономических связей: «...Шарлеманя невозможно представить без Мухаммеда. В VII в. древняя Римская империя в реальности стала Восточной империей; Империя Карла была Западной империей... Каролингская империя или, скорее, империя Шарлеманя, была строительными подмостками средних веков»⁹. «Тезис Пиренна», во многом определивший изучение экономической истории Европы раннего средневековья в XX в.¹⁰, был впоследствии частично подтвержден археологическим и нумизматическим материалом, частично скорректирован и уточнен¹¹. Теперь не вызывает особых сомнений, что угасание античной цивилизации, сначала в западном, а затем и в восточном Средиземноморье было более длительным и более ранним, чем представлялось А. Пиренну, процессом, облегчившим арабам быстрый захват Переднего Востока, Северной Африки и Пиренейского п-ова и что объем торговых операций в Европе резко сократился уже к началу VII в. Арабские завоевания довершили экономический упадок Средиземноморья, и экономика Западной Европы, лишившейся привычных поставок из Средиземноморья вина и масла, предметов роскоши, золота и значительной части серебра (добыча серебра в Англии обеспечивала по преимуществу внутренние потребности) переживала в VII в. острый кризис.

Важнейшим развитием «Тезиса Пиренна» стало объяснение выхода Западной Европы из экономического упадка в эпоху Каролингов С. Булина¹², который привлек внимание к другому региону Европы — северному, бурное развитие которого приходится на VIII–X вв. На нумизматическом материале С. Булин убедительно показал (а последующие исследователи внесли новые аргументы)¹³, что начиная с VIII в. в Европе формируются две крупные экономические области: на юге, в исламском мире, процветает торговля с востоком, и торговые комму-

---

⁹*Pirenn A. Mohammed and Charlemagne / Transl. by Bernard Miall. 1937. P. 234–235 (впервые изложено в статье, опубликованной в Revue belge de Philologie et d'Histoire. 1922. Vol. 1. P. 77–86).*

¹⁰См.: *Lyon B. Henri Pirenn — a Biographical and Intellectual Study. Ghent, 1974.*

¹¹*Lopez R.S. Mohammed and Charlemagne: a Revision // Speculum. 1943. Vol. 18. P. 14–38; Hodges R., Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne and the Origins of Europe: Archaeology and the Pirene Thesis. L., 1983 и особенно: McCormick M. Origins of the European Economy. Communications and Commerce AD 300–900. N.Y., 2001.*

¹²*Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Ruric // Scandinavian Economic History Review. 1953. Vol. 1. P. 5–39. (впервые опубликовано на шведском языке в: Scandia. Tidskrift for historisk forskning. 1939. B. 12. S. 181–222).*

¹³См., в частности *Hodges R. Dark Age Economics. The Origins of Towns and Trade AD 600–1000. L., 1982.*

никации связывают Переднюю Азию и Северную Африку с Индией, Шри Ланкой и дотягиваются до Юго-Восточной Азии¹⁴; на севере в Каролингскую эпоху возникает и крепнет североморская торговля¹⁵, которая позднее охватывает Балтику, а затем и Восточную Европу¹⁶. Чрезвычайно существенным было уточнение Ф. Грирсона, что для раннего средневековья речь, скорее, должна идти не столько о торговле, сколько более широко — об обмене, не менее важную роль играли престижные дары, плата наемникам, торговые пошлины и мн. др.¹⁷

Уже в эпоху Великого переселения народов структурирующую европейское пространство роль играли Дунай, отделявший позднюю Римскую империю от варварского мира, и Рейн, служивший границей между римскими провинциями в Галлии и Свободной Германией. Значение Рейна не угасло после распада Римской империи: начиная с VI в. он становится главной торговой магистралью, соединяющей Северную Италию с Северным морем. Находки коптских сосудов и других предметов, а также византийских солидов на Среднем Рейне и даже в Центральной Швеции указывают на то, что между остготами Теодориха и франкской и свейской элитами существовали отношения обмена. Однако в VII в. Прованс также приходит в упадок, и в Европе формируется новая система речных коммуникаций, также опирающаяся на Рейн, но охватывающая реки бассейна Северного моря. Важнейшую роль начинают играть реки Северной Франкии, Сена, Маас и др., в меньшей степени Луара. Новая экономическая зона характеризуется распространением франкских монет середины VII в. с низким содержанием серебра¹⁸ и образованием торговых центров (лат. *emporium*, др.-англ. *wīk*, др.-исл. *vík*). При впадении Сены, Мааса и Рейна в Северное море во второй половине VII в. возникают или оживают основанные еще в римское время эмпории: Квентовик южнее совр. Булони, Домбург на о-ве Вальхерен, Дорестада в устье Рейна¹⁹. Одновременно с ними на другом берегу Ла-Манша появляются Ипсвич в Восточной

---

¹⁴См. особенно подробно: *Hodges R., Whitehouse D.* Mohammed. P. 123–157.

¹⁵*Ibid.* P. 77–122, а также статьи в: *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa* / Hrsg. K. Düwel et al. Göttingen, 1985. Bd. III. *Der Handel des frühen Mittelalters.*

¹⁶*McCormick M.* *Origins of the European Economy.*

¹⁷*Grierson Ph.* *Commerce in the Dark Ages: a Critique of the Evidence* // *Transactions of the Royal Historical Society.* 1959. 5th ser. Vol. 9. P. 123–140. См. также статьи в: *Trade and Exchange in Prehistory. Studies in honour of Berta Stjernquist* / Ed. B. Hårdh. Lund, 1988.

¹⁸*Hodges R.* *Dark Age Economics.* P. 29–39.

¹⁹Ныне Квентовик локализируют у г. Этапль (*Hill D., Barrett D., Maude K., Warburton J., and Worthington M.* *Quentovic Defined* // *Antiquity.* 1990. Vol. 64. P. 51–58). Домбург возник еще в римское время, его расцвет как эмпория начинается после 650 г. и приходится на IX в. О До-

Англии, связанный с Дорестадом, Hamwic (Saxon Southampton), Лондон (Lundenwīc) и др.²⁰ Центральное место в этой сети занимает Дорестада, прежде всего как торговый центр. Но он быстро становится и главным пунктом в Каролингской империи сбора 10-процентных торговых пошлин, а также чеканки монеты, начавшейся ок. 600 г.²¹ Значение Дорестада проявилось в быстром росте его территории — к 800 г. она составляла уже ок. 250 га²². На юго-западном побережье Ютландии разрастается Данкирке, возникший еще в I в. до н. э. как центр производства железа. В VI–VII вв. он достигает расцвета уже в качестве ремесленного и торгового поселения²³. О его участии в североморской торговле свидетельствуют тысячи обломков фризских сосудов и находки фризских скеаттов²⁴. К концу VII в. Североморский регион охвачен, таким образом, единой сетью коммуникаций, которая связывает Рейнскую область и Центральную Европу с юго-восточной Англией и Южно-Западной Ютландией и по которой осуществляется активный обмен по преимуществу предметами, производимыми в каждом из регионом. По Рейну и другим рекам Франкии поступают рейнское вино, жернова, оружие, гребни, сосуды; англо-саксонские вики и Данкирке, видимо, поставляют, в основном, предметы, не оставляющие материальные следы: шерсть, кожи, рабов и т. п., но Англия могла вывозить некоторое количество, хотя и не очень значительное, серебра. Однако меровингская империя не получает по этой сети те товары и в том количестве, которые были необходимы для правящей элиты и уже стали для нее привычными: предметы роскоши, благовония, пряности. Главным же импортом, обеспечивавшим экономическое развитие Франкии было серебро, которое ранее в большом количестве доставлялось с юга из Африки. После крушения европейской экономики франкские монеты VII в. постепенно девальвируются. Резко сокращается приток восточных тканей, сосудов, других предметов роскоши.

рестаде по материалам последних раскопок см.: *Willemsen A.* Dorestad. Een wereldstad in de middeleeuwen. Zutphen, 2009.

²⁰*Brisbane M.* Hamwic (Saxon Southampton): an Eighth Century Port and Production Centre // *The Rebirth of Towns in the West, A.D. 700–1050* / Ed. R. Hodges, B. Hobley. L., 1988. P. 101–108; *Russo D.G.* Town Origins and Development in Early England, c. 400–950 A.D. Westport, 1998; *Verhulst A.E.* The Rise of Cities in North-Western Europe. Cambridge University Press, 1999.

²¹*Lebecq S.* The Frisian Trade in the Dark Ages: a Frisian or a Frankish/Frisian Trade? // *Rotterdam Papers*. Rotterdam, 1992. Vol. VII / Ed. A. Carmiggelt. P. 12–13.

²²*Willemsen A.* Dorestad.

²³*Hansen H.J.* Dankirke. Jernalderboplads og rigdomscenter // *Kuml*. 1989. B. 1987–1988. S. 201–240.

²⁴*Thorvaldsen E.* Dankirke. Die Siedlung // *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. 1983. Bd. 5. S. 47–60.

Если Североморская торговля в VII в. находится в стадии становления, то в Балтийском регионе к этому времени уже существует развитая внутренняя сеть торговых путей с виками в узловых пунктах. Эта сеть начала формироваться еще в бронзовом веке, когда в Скандинавию через Ютландский п-ов и Датские острова начала доставляться в большом количестве бронза из Центральной Европы (запасы меди на Скандинавском п-ове отсутствуют). Начавшееся в середине I тысячелетия до н. э. производство железа в Дании и Средней Швеции привело к радикальному изменению характера торговли и реорганизации торговых путей. Большие запасы и высокое качество руды делали главным его поставщиком север Упланда (Средняя Швеция). «Железный путь», частично водный, частично сухопутный, связывал район Данемур с оз. Меларен, откуда открывался выход в Балтийское море. Он служил основой для формирования внутренней системы коммуникаций, консолидируя округу²⁵. Отсюда железо начинает доставляться в другие регионы Скандинавии и в Центральную Европу²⁶.

В IV–VI вв. сеть коммуникаций в Западной Балтике приобретает новый стимул²⁷. Ее крупнейшим торговым центром становится поселение Люннеборг (Lundeborg) на о. Фюн (округ Гудме)²⁸, в котором было налажено производство костяных, стеклянных, керамических изделий. Отсюда торговые пути протягиваются вглубь Балтики вдоль юго-западного и юго-восточного побережья Скандинавского п-ова. Путь на запад отмечен торговым центром Каупанг на юге Норвегии и продолжался вдоль западного побережья Норвегии вплоть до Лофотенских островов, где исследована крупная усадьба местного вождя — Борг, поддерживавшего постоянные контакты с Североморским регионом²⁹. На востоке путь вел к о. Борнхольм³⁰, где обнаружена сходная с Боргом усадьба в Сорте Мюль³¹, и далее к о. Эланд, на южной

²⁵ Iron and Man in Prehistoric Sweden / Ed. H. Clarke. Stockholm, 1979.

²⁶ Voss O. Eisenproduktion und Versorgung mit Eisen in Skandinavien vor der Wikingerzeit. Stockholm, 1971.

²⁷ См. подробнее: Мельникова Е.А. Балтийская система коммуникаций. С. 43–57.

²⁸ Nielsen P.O., Randsborg K., Thrane H. Archaeology of Gudme and Lundeborg. Copenhagen, 1994.

²⁹ Borg in Lofoten: A Chieftain's Farm in North Norway / Ed. G. Stamsø Munch, O.S. Johansen, E. Roesdahl. Trondheim, 2003.

³⁰ Larsen K.A. Bornholm i ældre jernalder // Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie. 1949. S. 1–214; Klindt-Jensen O. Bornholm i Folkvandringstiden // Nationalmuseets skrifter. Større beretninger II. København, 1957; Becker C.J. Hovedlinier i Bornholms oldtidshistorie // Bornholmske samlinger. 1975. S. 1–41.

³¹ Watt M. Sorte Muld. Høvdingesæde og kultcenterum fra Bornholms yngre jernalder // Fram stamme til stat. (Jysk arkæologisk Selskabs Skrifter, XXII). Århus, 1991. B. 2. Høvdingesamfund og kongemagt. P. 89–107.

оконечности которого возникает торгово-ремесленное поселение Экеторп (Eketorp)³², а на восточном побережье каменная крепость — Исманторп (Ismantorp). Отсюда путь разветвлялся на северо-восточный маршрут — к о. Готланд и северный — в Среднюю Швецию, где на о. Экерё в оз. Меларен вырастает крупнейшее поселение того времени Хельгё (Helgö)³³.

Если связи Западной Балтики были традиционно ориентированы на Центральную Европу, то Восточная Скандинавия имела давние контакты с восточным побережьем Балтики³⁴. Начиная с V в. здесь возникают поселения готландцев и свеев: Трусо в устье Вислы и Кауп на границе прусских и куршских земель³⁵, Апуоле и Гробиня — у ливов и латгалов³⁶, Прооза — на территории совр. Таллинна³⁷. К VII в. прокладывается путь вглубь Восточной Европы по Финскому заливу вплоть до Ладожского озера. Главным стимулом, привлекавшим скандинавов на востоке в это время, была пушнина³⁸, которую они, видимо, и добывали сами, и скупали у местного населения. Не случайно древнейшие следы пребывания скандинавов на о. Тютерс в Финском заливе и на о. Риекалла в Ладожском озере — временные стоянки³⁹. Находки из Хельгё свидетельствуют о теснейших восточных связях эмпория: так, в одном из погребений могильника Прооза найдены пуговицы, отлитые в форме, обнаруженной в Хельгё. В балтийскую систему обмена включилась также южно-норвежская область Вик, откуда вывозились высоко ценившиеся, по крайней мере, в Балтийских странах, изделия из мыльного камня (жировика).

Вплоть до второй половины VII в. Балтийский регион не обнаруживает сколько-нибудь устойчивых связей с Североморским, хотя такие товары, как пушнина, вероятнее всего, проникали в Западную Европу, а до Восточной Скандинавии доходили стеклянные сосуды

³² Hagberg U.E. Eketorp. Fortification and Settlement on Öland (Sweden). Stockholm, 1979.

³³ Excavations at Helgö. Stockholm, 1961–1986. В. 1–10; Thirteen Studies on Helgö. Stockholm, 1988.

³⁴ Отдельные, нерегулярные контакты с Восточно-прибалтийскими землями существовали и значительно раньше, но лишь с этого времени они приобретают устойчивый характер.

³⁵ Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. М., 1990. С. 9; *Он же*. Трусо и Кауп (протогородские центры в земле пруссов) // РА. 1996. № 3.

³⁶ Nerman B. Grobin-Seeburg, Ausgrabungen und Funde. Stockholm, 1958; *Idem*. Sveriges första storhetstid. Stockholm, 1942. S. 67–72; Седов В.В. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 408–409.

³⁷ Деемант К. Раскопки каменного могильника в Прооза // АО 1980 года. М., 1981. С. 378.

³⁸ Callmer J. Verbindungen zwischen ostskandinavien, Finnland und Baltikum vor der Wikingerzeit und das Rus'-Problem // JGO. 1986. Bd. 34. S. 357–369; Noonan Th. Why the Vikings First Came to Russia // *Ibid*. P. 321–348.

³⁹ Kivikoski E. Svenskar i österled under 500-talet // Finskt Museum. Helsingfors, 1939. S. 15.

из Англии, мечи (позднее также клинки мечей) из Рейнской области, фризские скеатты⁴⁰. Путь, связующий оба региона, огибал Ютландский п-ов с севера, где в Лимфборде возникает поселение Линдхольм-Хёйе, значение которого как стоянки на трансконтинентальном пути возрастает в эпоху викингов⁴¹.

Объединение торговых коммуникаций обоих регионов происходит в VIII в., когда устанавливается переход из одного региона в другой на Шлезвигском перешейке по р. Эйдер и Трене в залив Шлее. Именно здесь возникает, а к IX в. достигает расцвета Хедебю, крупнейший торговый и ремесленный центр Балтики⁴². Как считается, в основании южного (раннего) поселения участвовали фризы. Его кардинальное значение для развития всего Балтийского региона знаменуют не только многочисленные археологические находки, свидетельствующие о его широчайших международных связях, но и разгоревшаяся в конце VIII — начале IX в. борьба между Карлом Великим и правителями Хедебю за влияние и торговые центры в юго-западном углу Балтики⁴³.

Североморская торговля к концу VIII в. сосредоточилась по преимуществу в руках фризгов, покоренных франками в 734 г. и вскоре христианизированных⁴⁴. Дорестад, Домбург и другие центры Фризии, но прежде всего Дорестад, который возродился ок. 675 г. и расцвет которого приходится на 770–830-е гг., распространяют свою деятельность в трех направлениях: на юг по Рейну, Маасу, Шельде (фризские монеты ранней чеканки достигают Кобленца и даже Боденского озера), на север в Англию (вплоть до Йорка) и на восток в Балтийское

---

⁴⁰ Hill D., Metcalf D.M. Scaettas in England and on the Continent. Oxford, 1984; Ljungkvist J. Continental Imports in Scandinavia: Patterns and Changes between AD 400 and 800 // *Foreigners in Early Medieval Europe. Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility* / Ed. D. Quast. Mainz, 2009. P. 34–37.

⁴¹ Ramskou Th. Lindholm Høje. Copenhagen, 1960.

⁴² Jankuhn H. Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. 8 Aufl. Neumünster, 1986; Haithabu und die frühe Stadtentwicklung im nördlichen Europa / Hrsg. K. Brandt, M. Müller-Wille, Chr. Radke Wachholtz. Neumünster, 2002.

⁴³ Jankuhn H. Karl der Grosse und der Norden // *Karl der Große: Lebenswerk und Nachleben*. Düsseldorf, 1967. Bd. 1: Persönlichkeit und Geschichte. 3. Auflage. S. 699–707; Мельникова Е.А. Вступление норманнов в дипломатические отношения с Франкской империей // *Historia animata. Памяти О.И. Варьяш*. М., 2004. Ч. 3. С. 22–38.

⁴⁴ Jankuhn H. Der fränkisch-friesische Handel zur Ostsee im frühen Mittelalter // *Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 1953. Bd. 40. S. 193–243; Jellema D. Frisian Trade in the Dark Ages // *Speculum*, 1955. Vol. 30. P. 15–36; Lebecq S. The Frisian Trade in the Dark Ages. P. 7–15. В VIII–IX вв. этноним «фризы» в письменных источниках нередко используется как общее обозначение купцов вне зависимости от их этнической принадлежности (см.: Lebecq S. On the Use of the Word 'Frisian' in the 6th–10th Centuries Written Sources: Some Interpretations // *Maritime Celts, Frisians and Saxons* / Ed. S. McGrail. L., 1990. P. 85–90).

море. Основные предметы фризской торговли, производимые по преимуществу в Рейнской области (вино, стеклянные изделия, оружие), распространяются по всему Североморскому и Балтийскому регионам. Эмпории V–VII вв. сменяются новыми, более крупными виками, многие из которых тесно связаны с центральной властью округа. На западном побережье Ютландии место Данкирке занимает расположенный поблизости Рибе⁴⁵, в Средней Швеции Хельгё в IX в. сменяется Биркой, на Готланде вырастают такие центры, как Вестергарн, Павикен, Эстергарн. Наконец, балтийская система коммуникаций замыкается на Северо-Западе Восточной Европы, где в середине VIII в. возникает Ладога. Одновременно на землях поморских славян, балтов и прибалтийско-финских племен появляются такие центры как Рерик (у дер. Groß Strömkendorf на восточном берегу Висмарского залива)⁴⁶, Ральсвик на о. Рюген, Менцлин на нижнем Пене, Волин в устье Одера⁴⁷. В Восточной Прибалтике продолжают развиваться старые торгово-ремесленные поселения Трусо, Кауп, Апуоле, Гробиня⁴⁸, обретает новое значение поселение начала тысячелетия Даугмале в 20 км выше устья Западной Двины⁴⁹. К концу IX в. южное и восточное побережье Балтики усеяно крупными и мелкими поселениями, обслуживающими торговый путь и принимающими участие в торговле.

В значительной части фризские импорты в Восточной Балтике и в Ладоге, как и восточные в Западной Европе — результат транзитной торговли (через Хедебю и Лимфьорд, где найдены как фризские, так и арабские монеты), в которую включились скандинавы. Однако сохранились письменные свидетельства IX в. о присутствии фризов, в том числе купцов, в Бирке⁵⁰, а материалы Старой Ладоги, прежде всего, производство ранних типов костяных гребней, дали основание гово-

---

⁴⁵ *Jensen S. The Vikings of Ribe. Ribe, 1991.*

⁴⁶ Локализация Рерика долго оставалась спорной. После археологических раскопок 1990-х гг. его местонахождение считается установленным. См.: *Happ J. Reric, der verlorene Handelsplatz der Wikinger am südwestlichen Zipfel der Ostsee. 2. Aufl. Mensing, 2004.*

⁴⁷ *Херрман Й. Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы. С. 338–359; Filipowiak W. Die Bedeutung Wolins im Ostseehandel // Society and Trade in the Baltic during the Viking Age. Visby, 1985. S. 121–138.*

⁴⁸ См. примеч. 36–38.

⁴⁹ *Urtans V. Arheologiskie petijumi Daugmale // Muzeji un kulturas pieminekli. Riga, 1969. 89–96 lpp.*

⁵⁰ *Vita sancti Anskarii auctore Rimberto, XI // Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum / Ed. Georg Waitz. Hannover, 1884 (repr. 1988). Bd. 55. О фризских импортах в Бирке см.: Ellmers D. Die Bedeutung der Friesen für die Handelsverbindungen des Ostseeraums bis zur Wikingerzeit // Society and Trade in the Baltic. S. 7–54.*

рять о работавших здесь фризских ремесленниках⁵¹. На прямую связь Ладоги с Западной Балтикой указывает планировка этого поселения, близкая топографии Хедебю⁵².

Таким образом, на протяжении VIII в. не только происходит интенсификация франко-фризско-английских торговых контактов, но и начинает формироваться единый регион, от Фризии и Англии до Восточной Балтики, в котором наиболее активную роль играют фризы и скандинавы. Главным явлением этого времени, оказавшим наибольшее влияние на экономику балтийских стран эпохи викингов, равно как и на социально-политическое развитие населявших его народов, было включение в этот регион Восточной Европы.

Пролонгация балтийской коммуникационной системы на восток определяется обычно временем формирования Балтийско-Волжского пути — по древнейшим комплексам Ладоги, которые датируются 750-ми гг.⁵³ Однако образованию крупного торгового центра, каким выступает Ладога уже в древнейших ее слоях, предшествует обычно достаточно длительный период освоения пути: лишь его более или менее регулярное использование вызывает необходимость в появлении постоянных стоянок для купцов, ремонта судов, пополнения запасов, наконец, торговли с местным населением. К концу столетия в состав балтийского региона включаются внутренние области Восточной Европы: трансконтинентальная магистраль — Балтийско-Волжский путь — протягивается от Ладоги к Дону и Средней Волге. Главными вехами формирования пути было основание вдоль него торгово-ремесленных поселений таких, как Ладога в нескольких километрах вверх по Волхову, Городище под Новгородом (Рюриково), которое возникло в середине IX в. как военный опорный пункт и контролировало вторую по значению развилку путей от оз. Ильмень. Последующие этапы освоения пути связаны с основанием Сарского городища и Тимерева; наиболее отдаленный от Балтики регион — вятский у поворота Волги на юг — отмечен концентрацией кладов арабского серебра IX в.⁵⁴

По Дону начинает поступать на север арабское монетное серебро. Древнейший клад с арабскими монетами (младшая чеканена в

⁵¹ Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 103–108.

⁵² Кирпичников А.Н. Средневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Л., 1985.

⁵³ Кирпичников А.Н. Средневековая Ладога; Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 50 и далее.

⁵⁴ Мельникова Е.А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // Шведы и Русский Север. Киров, 1997. С. 137.

699/700 г.) найден в Ладоге в слоях 750–760-х гг.⁵⁵, еще несколько кладов дирхемов датируются 770–790-ми гг.⁵⁶, а с начала IX в. монетное серебро достигает Готланда и Средней Швеции⁵⁷. Поток арабского серебра, хотя и переживавший периоды сокращения (в частности, в 860–870-е гг.), ознаменовал формирование единого региона, простиравшегося от Франкии и Англии до Средней Волги и просуществовавший до конца X в., когда импорт арабского серебра и в Скандинавию, и в Восточную Европу прекращается.

Единство «макробалтийского» региона в значительной степени скреплялось присутствием скандинавов во всех его частях и их свободными перемещением на всем пространстве региона: от Ирландии до Волги. Иногда одни и те же лица в разное время оказывались в разных его частях, как, например, некий Асгаут, который «был на западе и востоке» и в память о котором установлен рунический камень в Уббю (Упланд, Швеция)⁵⁸. Олав Трюггвасон воспитывался на Руси и, возможно, посетил Византию, а затем воевал в земле вендов и в Англии, а в 995 г. вернулся в Норвегию.

Показательно движение монетного серебра от одного конца региона до другого, когда восточные монеты оказываются в Англии, а английские и датские монеты — на Руси. Арабские дирхемы поступали в IX–X вв. сначала по Дону, а затем по Волге в Волховско-Ильменский регион и оттуда в Восточную Скандинавию. На Готланде найдено более 80 000 монет, в материковой Швеции — ок. 10 000. Но они достигали, пусть и в небольшом количестве, Дании (ок. 5 000 дирхемов), Норвегии (ок. 400) и даже Исландии (ок. 10)⁵⁹ и Англии⁶⁰. Несмотря

---

⁵⁵ Кирпичников А.Н. Ладога в первые века ее истории // Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога. С. 58.

⁵⁶ Noonan Th. Ninth-Century Dirham Hoards from European Russia: A Preliminary Analysis // Noonan Th. The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900. Aldershot, 1998. P. 47–117.

⁵⁷ Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm, 1947–1958. B. 1–2.

⁵⁸ Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001. № Б-III.7.26. С. 336.

⁵⁹ Jensen J.S., Kromann A. Cufic Coins in Denmark // Byzantium and Islam in Scandinavia / Ed. E. Piltz. Jonsered, 1998. P. 71–76. Почти все датские монеты чеканены в Средней Азии и нередко сочетаются с восточноевропейскими импортами, что безусловно указывает на их поступление через Восточную Европу.

⁶⁰ Каталог арабских монет из собрания Британского музея (часть из них могла попасть в Англию западным путем) см.: Lane-Poole S. Catalog of Oriental Coins in the British Museum. L., 1875–1890. Vol. I–X. С деятельностью викингов определенно связан клад ок. 905 г., найденный в 1820 г. в Cuerdale (Ланкашир) и состоявший из 7500 монет, среди которых англо-саксонские, континентальные, арабские, и около 100 фрагментов серебряных украшений (рубленное серебро), слитки, украшения общим весом ок. 40 кг. Клад попал в Англию из Ирландии после изгнания викингов из Дублина в 902 г. на их пути в Йорк (From Viking to Crusader: Scandinavia and Europe 800–1200 / Ed E. Roesdahl and D.M. Wilson. Uddevalla, 1992. P. 323 (No 361).

на незначительность находок арабских дирхемов среднеазиатской чеканки во Франкии и Фризии⁶¹, предполагается, что именно арабское монетное серебро (возможно, в большом количестве поступавшее из Испании, где велась его разработка) позволило Карлу Великому провести реформу монетного дела в начале IX в. и восстановить содержание серебра в денарии, а Дорестаду — стать вторым по значению местом чеканки серебряной монеты в Каролингской империи⁶². Напротив, полубрактеат Хедебю первой и крайне незначительной чеканки (ок. 825 г.) найден у дер. Кислая (Верхнее Поднепровье), более поздней и обширной чеканки (середина X в.) — в кладах из Кейла (Эстония, 20 монет), у дер. Денисы (Украина, многочисленные фрагменты), на поселении в Тимереве (Ярославское Поволжье)⁶³, а английские пенни X в. и чеканки Кнута Великого (ум. 1035) нередко встречаются в кладах Новгородской земли⁶⁴.

Предполагается, что в Скандинавию вместе с монетами проникла и практика использования весового серебра, отчего в кладах присутствует огромное количество фрагментов монет и серебряных изделий (рубленое серебро)⁶⁵. Значение арабской монеты отражают чеканки имитаций как серебряных дирхемов, так и золотых динаров — прежде всего в Волжской Булгарии, но и, например, в Англии короля Оффы (вторая половина VIII в.)⁶⁶.

К редким находкам принадлежат четыре близких по типу кольца со вставками (или только вставки) из полудрагоценных камней с арабскими надписями: в погребениях из могильника у Танеевки (№ 999) поблизости от Булгара на Средней Волге, две вставки в Тимереве в Ярославском Поволжье (X в.) и в Бирке (Средняя Швеция, IX в.); в первом случае на вставке выгравирована арабская надпись «Во имя Аллаха», на одной из вставок Тимерева и вставке из Бирки — «Аллах»⁶⁷. Фризские гребни и сосуды получили широкое распространение от Ладоги до Англии. Показательно женское погребение в Фюр-

---

⁶¹См. каталог исламских монет в кн.: *McCormick M. Origins of the European Economy.*

⁶²*Hodges R., Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne.*

⁶³*Потин В.Н.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным IX–XII вв. // *Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Сб. статей.* Л., 1970. С. 64–80.

⁶⁴*Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X — первой половины XI в. // *ДГ.* 1994 г. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 151–170 (там же литература).

⁶⁵*Sperber E. Balances, Weights and Weighing in Ancient and Medieval Sweden.* Stockholm, 1996. P. 96.

⁶⁶*Hodges R., Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne.* P. 103.

⁶⁷*Duczko W. Viking Age Scandinavia and Islam. An Archaeologist's View // Byzantium and Islam.* P. 110–111.

кате (северная Ютландия) с набором предметов, производившихся в разных центрах на юге и юго-востоке Балтики, и двумя небольшими серебряными кольцами, использованными в качестве серег, что свойственно восточнославянскому убору. Уникальные деревянные замки-цилиндры, которыми запечатывались мешки с собранной в Новгородской земле данью, доставлявшейся в Новгород с конца X в., имеют прямые (и единственные) аналогии в скандинавском Дублине⁶⁸.

Приведенные материалы, — а их количество можно было бы умножить, — убедительно свидетельствуют об интенсивных торговых связях⁶⁹, которые объединяют «макробалтийский» регион, просуществовавший три столетия — с VIII по X в. и сложившийся благодаря не деятельности викингов⁷⁰, а ранее эпохи викингов и благодаря той геополитической ситуации, которая возникла в Европе в предшествующие столетия и которая предопределила последующее социально-политическое развитие народов, населявших этот регион.

* * *

Существование «макробалтийского» экономического региона отразилось в представлениях его современников о едином северо-европейском географическом пространстве. Героический мир англосаксонских эпических поэм VII–VIII вв. простирается от Фризии и Северо-Западной Франкии до земель финнов, где побывал Видсид (Widsid, 76). «Приливом вынесло на финскую землю» геата Беовульфа после одного из его юношеских подвигов (Beowulf, 580). В древнескандинавской картине мира пространство структурировано путями, исходящими из Западной Балтики: Северным (*Norðrvegr* откуда произошло название «Норвегия»), Южным (*Suðrvegr*), Восточным (*Austrvegr*) и Западным (*Vestrvegr*)⁷¹, которые кольцом охватывают Европу и смы-

⁶⁸ Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 62 со ссылкой на: Lang J. T. Viking-Age Decorated Wood. A Study of its Ornamentation and Style. Dublin, 1988. No. DW 29, 30, 42. P. 22, 24–25, 60, 66.

⁶⁹ Наряду с предметами торговли, по этой же сети коммуникаций распространялись новые технологии (например, производство мечей, первоначально сосредоточенное в Рейнских мастерских, продолжилось в Норвегии, а затем и на Руси; скандинавская технология трехслойного пакета была усвоена в Восточной Европе, русская зернь имитируется в Скандинавских странах и т. д.), социально-экономические явления и культурные импульсы (например, литературные сюжеты и мотивы, декоративные стили, но прежде всего христианство).

⁷⁰ Особого рассмотрения заслуживает не ставившийся ранее вопрос, насколько образование этого региона и флуктуации в интенсивности связей внутри него могли послужить одной из причин возникновения эпохи викингов.

⁷¹ Джаксон Т.Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. Человек в истории. М., 1994. С. 54–64.

каются в Средиземном море — «в греках». Восходящая, вероятно, к глубокой древности, «путевая» организация пространства сохранялась в Скандинавии и в христианскую эпоху и получила отражение как в сагах, так и в ученой литературе XIII–XIV вв. Среди четырех путей-направлений наиболее значимым и часто упоминаемым оказывается Восточный путь, который пронизывает «Восточную половину мира» и стягивает вокруг себя «Восточные страны» (*Austrlönd*)⁷². Второе по значению место занимает Западный путь — по которому устремлялись викинги IX–X вв. в поисках богатства и славы.

Восприятие североевропейского пространства как единого региона было присуще и древнерусскому летописцу начала XII в., который писал:

«По сему же морю (Варяжскому, т. е. Балтийскому. — *Е.М.*) седять варязи семо ко вьстоку до предела Симова, по тому же морю седять к западу до земле Агнянски и до Волошьски, Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане...»⁷³.

Таким видел древнерусский летописец начала XII в. северо-запад Европы, известный ему не по авторитетным (византийским) источникам, а по опыту предшествующих поколений. Балтийское море на его ментальной карте выступает организующим европейское пространство центром⁷⁴, от которого отходят, охватывая Европу, две ветви, соответствующие трансконтинентальным путям, — восточная, образованная Балтийско-Волжским путем (маршрут представлен в виде перечня финно-угорских народов, живущих вдоль этого пути или на его ответвлениях), и западная, огибающая Европу и выходящая в Средиземное море (обозначена перечнем западноевропейских народов)⁷⁵. Эта географическая модель имеет ближайшую параллель в древнескандинавской картине мира, пространство в которой структурировано прежде всего восточным и западным путями. Сходство как организации пространства, так и способа его описания, а также центральное

---

⁷²Джаксон Т.Н. *Austr í Görðum*. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.

⁷³ПВЛ. С. 8.

⁷⁴Мельникова Е.А. Волжский путь на ментальной карте составителя «Повести временных лет» // Труды по русской истории, археологии и филологии. Сб. научных статей в память о 60-летию И.В. Дубова. СПб., 2008. С. 128–136; *Melnikova E. The Baltic on the Mental Map of the Old Russian Annalist // The Image of the Baltic: A Thousand Year's Perspective*. Visby, 2012. P. 11–22; В картине Европы, представленной ниже как описание «Пути из варяг в греки» (ПВЛ. С. 8–9), таких центров два: Балтийское море и Черное море.

⁷⁵Мельникова Е.А. Пути в структуре ментальной карты составителя «Повести временных лет» // ДГ. 2009 г. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. С. 318–344.

место в нем варягов (скандинавов) дало основание полагать, что приведенное выше описание восходит, вероятно, к скандинавской географической традиции, которая сложилась в эпоху викингов — в конце IX–X в., когда скандинавский мир включал территории Англии (Денло, затем Нортумбрия) и Франции (Нормандия) на западе и Северо-Запад Восточной Европы на востоке. Показательно, что в этом описании древнерусского летописца отсутствуют земли вдоль Днепровского пути (как и сам Днепровский путь, которому посвящен отдельный пассаж) — ядро Древнерусского государства его времени, что также соответствует особенностям ойкумены скандинавов, для которых Среднее Поднепровье оставалось мало знакомой и чужой территорией в отличие от Северо-Запада, которое воспринималось ими как «свое», освоенное пространство⁷⁶.

Балтийское (Варяжское) море, по которому «сесть» варяги, является центром европейского пространства, но его границы при ближайшем рассмотрении не совпадают с границами моря как такового (в соответствии с современными географическими представлениями). На востоке варяги «по сему же морю сесть... до предела Симова». Согласно средневековым географическим представлениями о разделении земли между сыновьями Ноя, потомки Сима заселили Азию (Иафета — Европу, Хама — Африку)⁷⁷. К «пределу Симову» летописец в том же географическом введении к ПВЛ, но в разделе, основанном на тексте «Хроники» Георгия Амартола, отнес территории от Месопотамии и Малой Азии до Индии, что полностью соответствовало западно-европейским и византийским географическим представлениям⁷⁸. Уже в оригинальном, не имеющем византийских источников разделе, летописец уточняет, что Волга «идеть на восток в часть Симову»⁷⁹. Очевидно, по его мнению, удел Сима начинался где-то в низовьях или в устье Волги⁸⁰. Тем самым Балтийский регион распространяется им и на речные пути, ведущие в IX–X вв. на восток.

---

⁷⁶Эта особенность восприятия Восточной Европы скандинавами прямо зависела от характера их деятельности в разные периоды времени (VIII–IX и X вв.) и в разных регионах Восточной Европы. См. подробнее: *Мельникова Е.А.* Варяги на севере и на юге Восточной Европы: региональные особенности // Хорошие дни... Памяти А.С. Хорошева. Великий Новгород; СПб., М., 2009. С. 340–347.

⁷⁷*Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. (Древнейшие источники по истории народов СССР). С. 50–83.

⁷⁸*Мельникова Е.А.* Образ мира. Становление и эволюция географических представлений в Европе. V–XIV века. М., 1998.

⁷⁹ПВЛ. С. 7.

⁸⁰*Петрухин В.Я.* Варяги и «предел Симов» // *Петрухин В.Я.* «Русь и все языци». Аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки. М., 2011. С. 54–59.

На западе Балтийский регион также не ограничивается собственно Балтийским морем, он простирается до «земли Агнянски и до Волошьски»⁸¹, чему соответствует и отнесение к «варягам» «агнян» (англичан) и «галичан» (галлов = франков) далее в этом же разделе и повторно («англияне») — в «Сказании о призвании варягов»⁸².

Таким образом, фактически в описании древнерусского летописца охарактеризовано расселение «варягов» не по берегам Балтийского моря (как заявлено самим летописцем), а их распространение на огромном пространстве северной периферии Европы, лишь одной, хотя и центральной частью которой является Балтика⁸³. Это пространство представляется летописцу (как до него, очевидно, и самим викингам) единым целым, объединенным возможностью попасть из одной его точки в любую другую водным путем. Отсутствие принципиального противопоставления морского и речного путей (хотя навигационные особенности того и другого на практике учитывались, и существовали различные виды кораблей для морских и речных плаваний) и их целостное восприятие наглядно прослеживается в древнескандинавском понятии *Austrvegr*, которые сначала обозначало путь вдоль южного и восточного побережья Балтики (т. е. маршрут морских каботажных плаваний), но по мере продвижения скандинавов вглубь Восточной Европы включало все новые и новые — теперь уже речные — магистрали, пока не поглотило весь путь до Византии: в XIII в. византийские императоры называются «конунгами с Аустрвега»⁸⁴. Но еще и в конце XI в. немецкий клирик Адам Бременский, опираясь, с одной стороны, на античную традицию, а с другой — на актуальную информацию, полагал, что из Хедебю (на юго-востоке Ютландского полуострова) можно на корабле доплыть до самой Греции⁸⁵, и пояснял, что залив, простирающийся от Западного океана на восток, «[местные] жители называют Балтийским, так как он тянется на большое

⁸¹ Значение хоронима «Волошьская земля», равно как и этнонима «вольхва» неоднократно обсуждалось (см. *Королюк В.Д.* Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985. С. 168–186). Наиболее вероятная его интерпретация из др.-сканд. *vallir* и *Valland* — Нормандия и/или земли вдоль юго-восточного побережья Северного моря в отличие от *Frak(k)land*, относимого ко всей Франкии; ср. название кельтского племени *вольки*, откуда средневековое *valli* «валлоны», совр. *Walonreye* «Валлония». См.: *Metzenthin E.* Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania, 1941. S. 114–115, 27–28.

⁸² «Сице бо ся зваху тѣи варязи русь, яко се друзии зовутся урмане, ангияне...» (ПВЛ. С. 13).

⁸³ Поэтому, как кажется, предложенный Г.С. Лебедевым для обозначения этого пространства термин «циркумбалтийский регион», в котором основной акцент делается на народах и землях, окружающих Балтийское море, слишком узок.

⁸⁴ *Джаксон Т.Н.* *Austr í Görðum*. С. 39–48.

⁸⁵ *Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*. IV.1 / Ed. B. Schmeidler. Hannover, Leipzig, 1917.

расстояние через области скифов вплоть до Греции наподобие пояса. Его также именуют морем Варварским или Скифским по варварским народам, которые обитают на его берегах»⁸⁶. Аналогичным образом Снорри Стурлусон рассматривает как единое водное пространство весь «Западный путь»: «Известно, что море тянется от Нёрвасунда до самого Йорсаланда. От этого моря отходит на север длинный залив, который зовется Черное море»⁸⁷. Как древнерусскому летописцу, так и ранее скандинавам эпохи викингов, таким образом, все пространство от Нормандии и Англии на западе до, по крайней мере, Средней, а может быть и Нижней Волги⁸⁸ на востоке, полукружьем охватившее Европу с севера, представляется единым регионом.

* * *

Синхронность социально-политических процессов, приведших к образованию скандинавских и древнерусского государств⁸⁹, обнаруживается уже в V в., когда начинается колонизация скандинавскими племенами на западе — Англии (завоевание англами, ютами, саксами, в котором приняли участие и фризы), на востоке — Восточной Прибалтики. На всем пространстве макробалтийского региона — от Квентовика, Дорестада, Ипсвича, Лондона на западе до Ладоги на востоке — практически одновременно возникают (VIII — первая половина IX в.)⁹⁰ или возобновляют бурную деятельности эмпории, основанные еще в римское время и пришедшие в упадок в эпоху Великого переселения народов. В IX–X вв. плотная сеть торгово-ремесленных поселений на всех участках трансъевропейского пути и его ответвлениях охватывает берега Балтийского моря и земли Восточной Европы, лежавшие вдоль Балтийско-Волжского пути.

Чрезвычайное значение двух скандинавских эмпориев — Хедebu и Бирки — обуславливает образование вокруг них политий уже в VIII и IX вв. Возникновение первого из них относят к 730-м гг., ко-

---

⁸⁶ Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви. IV.X / Перевод В.В. Рыбакова. М., 2012. С. 426.

⁸⁷ Снорри Стурлусон. Круг Земной / Издание подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1970. С. 11.

⁸⁸ См. Петрухин В.Я. Варяги и «предел Симов». С. 56–57.

⁸⁹ Впервые отмечено: Шаскольский И.П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 55–67. См. подробно: Мельникова Е.А. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе: сравнительно-типологический аспект // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 89–100.

⁹⁰ Славяне и скандинавы. С. 76–78.

гда начинается строительство мощного оборонительного вала с древоземляными конструкциями (Даневирке) к югу от Хедебю⁹¹, но его усиление (несмотря на постоянную борьбу между претендентами на главенство) отмечается франкскими источниками с конца столетия, когда правители Хедебю вступают в непосредственные отношения с Франкской империей. Становление предгосударственной политики в Средней Швеции также, возможно, началось в VIII в.: о конунгах (regis) Бирки, имевших резиденцию вне этого центра (по археологическим данным — в Адельсё), управлявшегося некими *praefecti*, сообщает Римберт в «Житии св. Ансгария»⁹². В конце того же столетия возникают скандинавские политии в Англии Денло, в Ирландии с центром в Дублине.

Наконец, во второй четверти IX в., вероятно, складывается и политическое образование в Ладожско-Ильменском регионе⁹³, которое получило в литературе условное наименование «Русского каганата», на основании сообщения «Бертинских анналов» под 839 г. о посольстве некоего «кагана» к императору Феофилу и упоминания «кагана русов» у Ибн Русте⁹⁴. Члены этого посольства называли себя «росами», но на деле оказались свеонам⁹⁵. Сказание о призвании Рюрика и его братьев, восходящее к устной исторической традиции этого региона⁹⁶, очевид-

---

⁹¹ *Andersen H.H., Madsen H.J., Voss O.* Danevirke. København, 1976; *Andersen H.H.* Til hele rigets værn: Danevirkes arkæologi. 2004.

⁹² *Рыбаков В.В.* Из «Жития святого Ансгария» // Из ранней истории шведского народа и государства: Первые описания и законы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. С. 34.

⁹³ *Мельникова Е.А.* К типологии; *Массон В.М.* Северный центр восточнославянской цивилизации в балтийском контексте // Современность и археология. СПб., 1997. С. 34–37. О торговле как основе политогенеза в Ладожско-Ильменском регионе см. также: *Mühle E.* Die städtischen Handelszentrum der nordwestlichen Rus': Anfänge und frühe Entwicklung altrussischer Städte. Stuttgart, 1991.

⁹⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. III: Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. С. 48.

⁹⁵ См. дискуссию последних лет о «Русском каганате»: Бертинские анналы // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2010. Т. V: Западноевропейские источники / Сост. А.В. Назаренко. С. 17–21; *Zuckerman C.* Deux étapes de la formation de l'ancien état russe // Les Centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997 / Ed. M. Kazanski, A. Nercessian, C. Zuckerman. P., 2000. P. 95–120 (сокращ. вар.: *Цукерман К.* Два этапа формирования древнерусского государства // Славяноведение. 2001); *Калинина Т.М.* Восточные источники о древнерусской государственности (к статье: *Цукерман К.* Два этапа формирования Древнерусского государства) // Славяноведение. 2003. № 2. С. 15–19; *Толочко П.П.* Русь изначальная // Археология. 2003. № 1. Однако нельзя исключать возможность того, что росы были посланы отнюдь не «росским» каганом, а хазарским, который как раз в 830-е гг. поддерживал тесные дипломатические связи с Византией.

⁹⁶ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57.

но, отражает не только (а, может быть, и не столько) конкретный факт установления власти предводителя одного из скандинавских отрядов, сколько сложившуюся к этому времени ситуацию: консолидацию племенных элит, тяготевших к крупным центрам на Балтийско-Волжском пути, и контроль скандинавов над торговлей и над самим путем.

Ситуацию второй половины IX в. на Северо-Западе Восточной Европы характеризуют восточные писатели X в., сведения которых в рассказах об «острове» народа ар-рус (Ибн Русте, начало X в., «Худуд ал-'алам», ок. 982 г., Гардизи, середина XI в.; восходят к несохранившимся сочинениям IX в.), и о трех видах («джинс») русов, населяющих Восточную Европу — «Славии», «Куявии» и «Артании/Арсе» (ал-Истахри, 930–950 гг., Ибн Хаукал, 950–960 гг.)⁹⁷ позволяют до определенной степени реконструировать социально-политическую организацию и экономические основы раннегосударственного образования, сложившегося в Поволховье.

Население этой политики составляют народ ар-рус, традиционно отождествляемый со скандинавами, и ас-сакалиба — славяне⁹⁸. Экономической основой народа ар-рус является торговля, которая обеспечивается эксплуатацией местного населения, осуществляемой набегами, грабежами и захватом жителей в плен для продажи в качестве рабов. Это насильственное изъятие продуктов для непосредственного потребления и для использования в торговле. Наконец, это более или менее упорядоченный сбор даней в натуральной форме путем объезда правителем подчиненной ему территории. Отголоски даннических отношений славянского и финского населения Северо-Запада со скандинавами нашли отражение также в упоминании «варяжской дани» в «Сказании о призвании варягов», где сборщиками дани, как и у Гардизи, названы сами варяги. Впрочем, не исключено, что сбор даней осуществлялся и местной племенной знатью внутри каждого из племен.

Арабские авторы обращают специальное внимание на организацию торговли, указывая на ее регулярность и стабильность торговых путей, упорядоченность взаимоотношений торговцев с местной

⁹⁷ См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III: Восточные источники.

⁹⁸ Наименования «видов русов» сопоставляются с политическими образованиями: «Славия» (от этнонима «словене») в Волховско-Ильменском регионе, «Куявия» (от ойконима «Киев») — в Среднем Поднепровье и «Арса» (если принимать ее отождествление с позднейшим названием города Ростов), — вероятно, в Волго-Окском междуречье. Согласно ПВЛ, Киевскому государству предшествовали два независимых политических образования (в современной отечественной терминологии — «союзы племен», «племенные княжения», «славинии»): в Волховско-Ильменском регионе и в Среднем Поднепровье. Возникновение первого летописец связывает с местными славянскими и финскими племенами и деятельностью варягов («сказание о призвании варягов»), второго — со среднеднепровскими полянами («легенда о Кие»).

властью: выплату правителю «страны русов» десятины от торговой прибыли и обеспечение защиты купцов, которая осуществляется в соответствии с определенными правовыми нормами: по Гардизи, за оскорбление чужеземца (купца) обидчик обязан отдать потерпевшему половину своего имущества. Если эти известия не являются переносом восточных реалий на почву «острова русов», то они — важное свидетельство развитых и упорядоченных торговых отношений, которые уже оформлены правовыми нормами⁹⁹ и в которых активное участие принимает центральная власть. Именно наличие в обществе русов потестарных институтов (по меньшей мере, аппарата для сбора пошлин и наказания нарушителей установленных правил торговли) и центральной власти, сосредоточенной в руках «царя» («малика» или «хакана», по Ибн Русте), позволяет говорить о возникновении здесь протогосударства.

В жизни Северо-Запада Восточной Европы IX в., таким образом, с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль торговли по Балтийско-Волжскому пути. Разветвленная сеть рек, впадающих в Ладожское и Ильменское озера и в Волгу, образовала широкую зону, связанную с функционированием пути¹⁰⁰. Наряду с центральными торгово-ремесленными поселениями в узловых местах пути (Ладога, Городище под Новгородом, Городок на Ловати, Крутик, Тимерево, Сарское городище) в этой зоне возникает и множество более мелких поселений, жизнь на которых сопряжена с обслуживанием пути, поставками продовольствия и товаров (пушнины, воска, меда) в более крупные центры и т. п.¹⁰¹ Археологически зону Балтийско-Волжского пути маркируют скандинавские древности, концентрирующиеся в крупнейших центрах и представленные в небольших количествах в более мелких¹⁰².

Функционирование трансконтинентального торгового пути имело,

---

⁹⁹ Косвенным, но чрезвычайно важным подтверждением правовой регламентации общественной жизни в регионе, и не только в сфере торговли, видимо, может служить само заключение местной знатью ряда-договора с варягами; более того, отразившиеся в «Сказании о призвании варягов» условия ряда указывают на высокий уровень правовой деятельности, охватывавший различные сферы жизни (см.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о призвании варягов).

¹⁰⁰ Носов Е.Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157–170.

¹⁰¹ Носов Е.Н. К вопросу о типологии городов Поволховья // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000. С. 162–171; Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. М., 2005.

¹⁰² Отсутствие карт распространения скандинавских древностей на территории Руси не позволяет сколько-нибудь точно очертить эту зону.

по меньшей мере, два серьезных последствия для местных племенных обществ. С одной стороны, путь, точнее, богатства, проходившие по нему, привлекали племенную верхушку и вовлекали ее в торговую деятельность и ее обеспечение. Материалы как торгово-ремесленных поселений, так и некрополей около них свидетельствуют об их полиэтничном характере: скандинавы составляли лишь часть, иногда не слишком большую населения. Все могильники около торгово-ремесленных центров обнаруживают смешение северных и местных погребальных традиций.

С другой стороны, доступ к дальней торговле стимулировал ускоренное социальное развитие тех племен (или части племен), которые жили в зоне торгового пути: участие в торговле, прежде всего, поставка товаров, усиливало имущественное расслоение, выделение и обособление знати, наконец, обеспечивало близость ее интересов к интересам скандинавов в создании благоприятных условий для торговли, в участии в торговой деятельности и получении максимальной прибыли при использовании местных ресурсов. Более того, именно местная знать имела наиболее естественный и легкий доступ к этим ресурсам.

Обеспечение безопасности плаваний по реками, особенно в местах, сложных для навигации (пороги, отмели и т. п.), или волоков, и торговой деятельности, равно как создание инфраструктуры пути, в первую очередь, стоянок для ремонта судов, пополнения припасов и, по возможности, получения новых товаров, являлось первоочередной задачей, без решения которой нормальное функционирование пути было бы невозможно. Именно эту задачу и решали скандинавские вожди, установившие к 860-м гг. более или менее устойчивые связи с племенными элитами этого региона: отголоском этих связей является сообщение Повести временных лет о дани, которую взимали с местных племен «варяги-находники»¹⁰³. Не случайно, поэтому, оформление государственных начал на Северо-Западе летописец связал именно с варягами, используя в качестве этиологического предания о происхождении древнерусской правящей династии местное «Сказание о призвании варяжских князей». «Вокняжение» Рюрика, предводителя одного из многих викингских отрядов, (в результате соглашения с местной знатью или путем захвата власти) стало лишь завершением по меньшей мере столетнего доминирования скандинавов в транзитной торговле между Востоком и Западом.

---

¹⁰³ПВЛ. С. 12.

Возникновение раннегосударственного образования в Ладожско-Ильменском регионе явилось, таким образом, результатом сложных экономических процессов, охвативших практически всю Европу и Переднюю Азию и приведших к формированию «макробалтийского региона», частью которого являлся Северо-Запад Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви / Перевод В.В. Рыбакова. М., 2012.

Давидан О.И. Гребни Старой Ладogi // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 103–108.

Деемант К. Раскопки каменного могильника в Прооза // АО 1980 года. М., 1981. С. 378.

Джаксон Т.Н. Austr í Gögðum. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.

Джаксон Т.Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. Человек в истории. М., 1994.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. III: Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2010. Т. IV: Западноевропейские источники / Сост. А.В. Назаренко.

Калинина Т.М. Восточные источники о древнерусской государственности (к статье: Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства) // Славяноведение. 2003. № 2. С. 15–19.

Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 2003.

Кирпичников А.Н. Средневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Л., 1985.

Королюк В.Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985.

Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. М., 1990.

Кулаков В.И. Трусов и Кауп (протогородские центры в земле пруссов) // РА. 1996. № 3.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Массон В.М. Северный центр восточнославянской цивилизации в балтийском контексте // Современность и археология. СПб., 1997. С. 34–37.

Мельникова Е.А. Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н. э. // ДГ. 2009 г. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 43–57.

Мельникова Е.А. Варяги на севере и на юге Восточной Европы: региональные особенности // Хорошие дни... Памяти А.С. Хорошева. Великий Новгород; СПб., М., 2009. С. 340–347.

Мельникова Е.А. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе: сравнительно-типологический аспект // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 89–100.

Мельникова Е.А. Волжский путь на ментальной карте составителя «Повести временных лет» // Труды по русской истории, археологии и филологии. Сб. научных статей в память о 60-летию И.В. Дубова. СПб., 2008. С. 128–136.

Мельникова Е.А. Вступление норманнов в дипломатические отношения с Франкской империей // *Historia animata*. Памяти О.И. Варьяш. М., 2004. Ч. 3. С. 22–38.

Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод комментариев. М., 1986. (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–32.

Мельникова Е.А. Образ мира. Становление и эволюция географических представлений в Европе. V–XIV века. М., 1998.

Мельникова Е.А. Образование Древнерусского государства: состояние проблемы // ВЕДС. XXIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 188–197.

Мельникова Е.А. Пути в структуре ментальной карты составителя «Повести временных лет» // ДГ. 2009 г. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. С. 318–344.

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001. № Б-III.7.26. С. 336.

- Мельникова Е.А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // Шведы и Русский Север. Киров, 1997. С. 137.
- Мельникова Е.А. Тени забытых предков // Родина. 1997. № 10. С. 17–20.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57.
- Носов Е.Н. К вопросу о типологии городов Поволховья // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000. С. 162–171.
- Носов Е.Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157–170.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. М., 2005.
- Петрухин В.Я. Варяги и «предел Симов» // Петрухин В.Я. «Русь и вси языци». Аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки. М., 2011. С. 54–59.
- Потин В.Н. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным IX–XII вв. // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Сб. ст. Л., 1970. С. 64–80.
- Рыбаков В.В. Из «Жития святого Ансгария» // Из ранней истории шведского народа и государства: Первые описания и законы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999.
- Седов В.В. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- Славяне и скандинавы / Пер. на русск. язык Г.С. Лебедева под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1985.
- Снорри Стурлусон. Круг Земной / Издание подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1970.
- Толочко П.П. Русь изначальная // Археология. 2003. № 1.
- Удальцова З.В., Щапов Я.Н., Гутнова Е.В., Новосельцев А.П. Древняя Русь — зона встречи цивилизаций // ВИ. 1980. № 7.
- Херрман Й. Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы / Пер. на русск. язык Г.С. Лебедева под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1985.
- Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // Славяноведение. 2001.
- Шаскольский И.П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 55–67.

Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X — первой половины XI в. // ДГ. 1994 г. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 151–170.

Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / Hrsg. B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917.

Andersen H.H. Til hele rigets værn: Danevirkes arkæologi. 2004.

Andersen H.H., Madsen H.J., Voss O. Danevirke. København, 1976.

Becker C.J. Hovedlinier i Bornholms oldtidshistorie // Bornholmske samlinger. 1975. S. 1–41.

Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Ruric // *Scandinavian Economic History Review*. 1953. Vol. 1. P. 5–39 (впервые опубликовано на шведском языке в: *Scandia. Tidskrift for historisk forskning*. 1939. B. 12. S. 181–222).

Borg in Lofoten: A Chieftain's Farm in North Norway / Ed. G. Stamsø Munch, O.S. Johansen, E. Roesdahl. Trondheim, 2003.

Brisbane M. Hamwic (Saxon Southampton): an Eighth Century Port and Production Centre // *The Rebirth of Towns in the West, A.D. 700–1050* / Ed. R. Hodges, B. Hobley. L., 1988. P. 101–108.

Callmer J. Verbindungen zwischen ostskandinavien, Finnland und Baltikum vor der Wikingerzeit und das Rus'-Problem // *JGO*. 1986. Bd. 34. S. 357–369.

Duczko W. Viking Age Scandinavia and Islam. An Archaeologist's View // *Byzantium and Islam in Scandinavia* / Ed. E. Piltz. Jonsered, 1998.

Ellmers D. Die Bedeutung der Friesen für die Handelsverbindungen des Ostseeraums bis zur Wikingerzeit // *Society and Trade in the Baltic during the Viking Age*. Visby, 1985. S. 7–54.

Excavations at Helgö. Stockholm, 1961–1986. B. 1–10.

Filipowiak W. Die Bedeutung Wolins im Ostseehandel // *Society and Trade in the Baltic during the Viking Age*. Visby, 1985. S. 121–138.

From Viking to Crusader: Scandinavia and Europe 800–1200 / Ed. E. Roesdahl and D.M. Wilson. Uddevalla, 1992.

Grierson Ph. Commerce in the Dark Ages: a Critique of the Evidence // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1959. 5th ser. Vol. 9. P. 123–140.

Hagberg U.E. Eketorp. Fortification and Settlement on Öland (Sweden). Stockholm, 1979.

Haithabu und die frühe Stadtentwicklung im nördlichen Europa / Hrsg. K. Brandt, M. Müller-Wille, Chr. Radke Wachholtz. Neumünster, 2002.

Hansen H.J. Dankirke. Jernalderboplads og rigdomscenter // *Kuml.* 1989. B. 1987–1988. S. 201–240.

Happ J. Reric, der verlorene Handelsplatz der Wikinger am südwestlichen Zipfel der Ostsee. 2. Aufl. Mensing, 2004.

Hill D., Barrett D., Maude K., Warburton J., and Worthington M. Quentovic Defined // *Antiquity.* 1990. Vol. 64. P. 51–58.

Hill D., Metcalf D.M. Sceattas in England and on the Continent. Oxford, 1984.

Hodges R. Dark Age Economics. The Origins of Towns and Trade AD 600–1000. L., 1982.

Hodges R., Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne and the Origins of Europe: Archaeology and the Pirenne Thesis. L., 1983.

Iron and Man in Prehistoric Sweden / Ed. H. Clarke. Stockholm, 1979.

Jankuhn H. Der fränkisch-friesische Handel zur Ostsee im frühen Mittelalter // *Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte.* 1953. Bd. 40. S. 193–243.

Jankuhn H. Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. 8 Aufl. Neumünster, 1986.

Jankuhn H. Karl der Grosse und der Norden // *Karl der Große: Lebenswerk und Nachleben.* Düsseldorf, 1967. Bd. 1: Persönlichkeit und Geschichte. 3. Auflage. S. 699–707.

Jellema D. Frisian Trade in the Dark Ages // *Speculum.* 1955. Vol. 30. P. 15–36.

Jensen J.S., Kromann A. Cufic Coins in Denmark // *Byzantium and Islam in Scandinavia* / Ed. E. Piltz. Jonsered, 1998. P. 71–76.

Jensen S. The Vikings of Ribe. Ribe, 1991.

Kivikoski E. Svenskar i österled under 500-talet // *Finskt Museum.* Helsingfors, 1939.

Klindt-Jensen O. Bornholm i Folkvandringstiden // *Nationalmuseets skrifter. Större beretninger II.* København, 1957.

Lane-Poole S. Catalog of Oriental Coins in the British Museum. L., 1875–1890. Vol. I–X.

Lang J.T. Viking-Age Decorated Wood. A Study of its Ornamentation and Style. Dublin, 1988.

Larsen K.A. Bornholm i ældre jernalder // *Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie.* 1949. S. 1–214.

Lebecq S. The Frisian Trade in the Dark Ages: a Frisian or a Frankish/Frisian Trade? // Rotterdam Papers. Rotterdam, 1992. Vol. VII / Ed. A. Carmiggelt. P. 7–15.

Lebecq S. On the Use of the Word ‘Frisian’ in the 6th–10th Centuries Written Sources: Some Interpretations // Maritime Celts, Frisians and Saxons / Ed. McGrail S. L., 1990. P. 85–90.

Ljungkvist J. Continental Imports in Scandinavia: Patterns and Changes between AD 400 and 800 // Foreigners in Early Medieval Europe. Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility / Ed. D. Quast. Mainz, 2009.

Lopez R.S. Mohammed and Charlemagne: a Revision // Speculum. 1943. Vol. 18. P. 14–38.

Lyon B. Henri Pirenn — a Biographical and Intellectual Study. Ghent, 1974.

McCormick M. Origins of the European Economy. Communications and Commerce AD 300–900. N.Y., 2001.

Melnikova E. The Baltic on the Mental Map of the Old Russian Annalist // The Image of the Baltic: A Thousand Year’s Perspective. Visby, 2012. P. 11–22.

Metzenthin E. Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania, 1941.

Mühle E. Die städtischen Handelszentrum der nordwestlichen Rus’: Anfänge und frühe Entwicklung altrussischer Städte. Stuttgart, 1991.

Nerman B. Grobin-Seeburg, Ausgrabungen und Funde. Stockholm, 1958.

Nerman B. Sveriges första storhetstid. Stockholm, 1942.

Nielsen P.O., Randsborg K., Thrane H. Archaeology of Gudme and Lundeborg. Copenhagen, 1994.

Noonan Th. Ninth-Century Dirham Hoards from European Russia: A Preliminary Analysis // *Noonan Th.* The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900. Aldershot, 1998. P. 47–117.

Noonan Th. Why the Vikings First Came to Russia // JGO. 1986. Bd. 34. P. 321–348.

Pirenn A. Mohammed and Charlemagne / Transl. by Bernard Miall. 1937. P. 234–235 (впервые изложено в статье, опубликованной в Revue belge de Philologie et d’Histoire. 1922. Vol. 1).

Ramskou Th. Lindholm Høje. Copenhagen, 1960.

Russo D.G. Town Origins and Development in Early England, c. 400–950 A.D. Westport, 1998.

Sperber E. Balances, Weights and Weighing in Ancient and Medieval Sweden. Stockholm, 1996.

Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm, 1947–1958. B. 1–2.

Thirteen Studies on Helgö. Stockholm, 1988.

Thorvaldsen E. Dankirke. Die Siedlung // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. 1983. Bd. 5. S. 47–60.

Trade and Exchange in Prehistory. Studies in honour of Berta Stjernquist / Ed. B. Hårdh. Lund, 1988.

Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa / Hrsg. K. Düwel et al. Göttingen, 1985. Bd. III. Der Handel des frühen Mittelalters.

Urtans V. Arheologiskie petijumi Daugmale // Muzeji un kulturas pieminekli. Riga, 1969. 89–96 lpp.

Verhulst A.E. The Rise of Cities in North-Western Europe. Cambridge University Press, 1999.

Vita sancti Anskarii auctore Rimberto // Scriptorum rerum germanicarum in usum scholarum / Hrsg. Georg Waitz. Hannover, 1884 (repr. 1988). Bd. 55.

Voss O. Eisenproduktion und Versorgung mit Eisen in Skandinavien vor der Wikingerzeit. Stockholm, 1971.

Watt M. Sorte Muld. Høvdingesæde og kultcentrum fra Bornholms yngre jernalder // Fram stamme til stat (Jysk arkæologisk Selskabs Skrifter, XXII). Århus, 1991. B. 2. Høvdingesamfund og kongemagt. P. 89–107.

Wikinger und Slawen / Hrsg. von J. Herrmann. B., 1982.

Willemsen A. Dorestad. Een wereldstad in de middeleeuwen. Zutphen, 2009.

Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien état russe // Les Centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997 / Ed. M. Kazanski, A. Nercessian, C. Zuckerman. P., 2000. P. 95–120.

РЕЗЮМЕ

Наряду с внутренними предпосылками образования Древнерусского государства, такими как рост производящего хозяйства, социальная стратификация и др., важную роль сыграли внешние факторы, прежде всего дальняя торговля на трансконтинентальных путях. В статье

рассматривается формирование в VII–X вв. макро-балтийского экономического региона, простиравшегося от Северной Франкии и Англии до Средней и Нижней Волги. Включение Северо-Запада Восточной Европы в систему североевропейских коммуникаций интенсифицировало социально-политические процессы внутри восточнославянского общества и обусловило активную роль скандинавов в этих процессах.

Ключевые слова: макро-балтийский регион, трансконтинентальная система коммуникаций, эмпории, дальняя торговля, Древнерусское государство.

ABSTRACT

External factors, first of all long-distance trade, played an important role in the emergence of the Old Russian state together with internal prerequisites such as the growth of subsistence economy and social stratification. The formation of the ‘macro-Baltic’ economic region that stretched from the Northern Francia and England to the Middle and Lower Volga in the seventh and eighth centuries and its existence up to the late tenth century is suggested. The inclusion of the North-West area of Eastern Europe in the system of North-European communications intensified social and political processes within East Slavic societies and predetermined active role of Scandinavians in these processes.

Key words: ‘macro-Baltic region’, system of transcontinental routes, emporia, long-distance trade, Old Russian state.